

ВИКТОРИЯ ПЛАТОВА

**ИЗ ЖИЗНИ
КАРАМЕЛИ**

**Москва
2024**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

Художественное оформление А. Рысухиной

Платова, Виктория Евгеньевна.

ПЗ7 Из жизни карамели / Виктория Платова. — Москва : Эксмо, 2024. — 544 с. — (В мертвом омуте. Психологические триллеры Виктории Платовой).

ISBN 978-5-04-199293-4

Это прозвище у него такое — Рыба-Молот. Ну какая он рыба? Просто глаза широко расставлены. А так — хороший повар, честный человек, хоть и идиот, как его позже охарактеризовали. Работает у олигарха по фамилии Панибратец, и жизнь его ничем особенным не отличается: от котла – к кастрюле, от кастрюли – к холодильнику...

Но вот однажды Рыбе было велено зайти в кабинет хозяина, куда практически никто не допускался (даже уборку осуществлял японский робот Иمامура). Там Панибратец вручил ему плотный конверт и приказал распечатать его в полночь и без свидетелей, что бедный повар и сделал. После чего судьба потащила его по жутким колдобинам от одних испытаний к другим...

Веселая, легкая, местами озорная, местами добрая книга, в героев которой просто невозможно не влюбиться.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Платова В.Е., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199293-4

Все персонажи романа вымышлены, любое сходство с реально существующими людьми, медийными и прочими персонами — совершенно случайно. И за их безнравственное поведение, дурные поступки и сомнительные высказывания автор никакой ответственности не несет.

Часть первая

НГЫЛЕКА

* * *

ГЛАВА ПЕРВАЯ — *в которой читатель знакомится с Сашей Бархатовым по прозвищу Рыба-Молот, а также его немногочисленным окружением, привычками и пристрастиями, сомнительным настоящим и невнятным будущим*

...Нынешнее бегство Рыбы-Молота было пятым по счету и самым глупым. Глупее не придумаешь. Стоило ли уезжать за тысячи километров от дома в поисках работы, чтобы вернуться обратно несолоно хлебавши всего лишь спустя три дня? Без выходного пособия, с разбитым сердцем и оторванной напрочь мочкой левого уха.

Мочку было особенно жалко.

Хотя она и не отличалась особой красотой и на ней время от времени вырастали два жестких белых волоска. Которые с таким же постоянством вырывались — что символизировало цикличность жизненных процессов вообще и наличие самой жизни в частности. Потеряв мочку, Рыба-Молот тут же стал рассуждать, что мог бы с ней сотворить, останься она при хозяине. На ныне покойный крохотный кусок Рыбьей плоти можно было на-

весить серьгу. На нем можно было вытатуировать диковинное животное, или рептилию, или кельтский орнамент. Также можно было оправить его в золото или платину и украсить бриллиантами. Ничего, равным счетом ничего не жаль для такой ценной части организма, коей является чертова усопшая мочка! Хоть бы оторвали правую — так нет же, покусились на левую, любимую. Любимейшую!.. За что теперь Рыба будет хвататься, остужая пальцы? А студить пальцы при его профессии приходится довольно часто.

«Не хрен было шастать по всяким, прости господи, салехардам», — коротко резюмировала Кошкина, первая жена Рыбы-Молота.

«И еще скажи спасибо, что только ухо, а не, к примеру, яйца!» — прислала электронное соболезнование Рахиль Исааковна, вторая жена Рыбы-Молота.

С обеими своими бывшими Рыба-Молот поддерживал самые теплые, чтобы не сказать — родственные, отношения. Это было несложно, учитывая, что Кошкина проживала в Москве, Рахиль Исааковна — в Хайфе, а сам Рыба-Молот давно и прочно осел в Питере. До Питера в его пестрой биографии значились: Веймар (город босоногого детства), Шахрисабз (город прыщавого отрочества), Ташкент (город мятежной юности). А также с десяток других, по образному выражению Кошкиной, «муркиных задниц»: населенных пунктов, куда

8 нормальный среднестатистический человек может попасть исключительно по недоразумению.

Или (что вероятнее) — с большого бодуна. Отстав от поезда в глухой степи, без денег и документов, с трюфовым королем в правой руке и обглоданной куриной буддыжкой в левой.

Впрочем, в карты Рыба-Молот не играл, даже в дурака, а спиртное употреблял вполне умеренно. Без излишней надломленности и высечения негатива. Рыба-Молот вообще был человеком, лишенным каких-либо видимых недостатков. Собственно, именно эта его стерильность и привлекла в свое время Кошкину с Рахилью Исааковной. Но она же и оттолкнула их — спустя довольно непродолжительное время после начала совместной жизни.

— Ты скучный, — заявила на прощание Кошкина.

— Тебе даже изменять не в кайф. Никакого морального удовлетворения, — заявила на прощание Рахиль Исааковна.

Еще одной причиной, по которой женщины сначала льнули к Рыбе-Молоту, а потом отдалялись от него со стонами, воплями и проклятиями, была профессия. На всех бейджах (а их к тридцати пяти годам у Саши Бархатова скопилась целая коллекция) значилось «ШЕФ-ПОВАР» — с незначительными вариациями, касающимися шрифта и языка. В общей сложности «шеф-повар» был воспроизведен на пяти, включая собственно русский, а также грузинский, турецкий, иврит и — совсем уж экзотический — бурятский. В Бурятии, в райцентре Кяхта (он же — «Песчаная Венеция», он же — «Забалууй-городок», население 18 тыс. чел., 9

прядильно-трикотажная фабрика, медицинское училище, музей Сухэ-Батора, банно-прачечный комбинат) и состоялось боевое крещение Рыбы в качестве шеф-повара. Оттуда же он бежал — под покровом ночи, не предупредив работодателя и не получив окончательный расчет. Тот первый бурятский побег стал моделью всех остальных побегов Рыбы-Молота, о которых Кошкина с Рахилью Исааковной, а также все остальные, равнодушные к его судьбе люди говорили: «Вечно ты так, начинаешь за здравие, а кончаешь за упокой».

Связи и браки шеф-повара Бархатова тоже заканчивались за упокой. Как говорилось выше — по причине его профессии. Чтобы ублаготворить жен и подруг, чтобы привязать их к себе как можно крепче, Рыба-Молот начинал готовить как ненормальный — жарить, парить, тушить и запекать. Сочинять блюда — одно калорийнее другого. Коньком Рыбы-Молота были соусы и сладости, в первую голову — конфеты и шоколад ручной работы. Отказаться от них было невозможно, и потому спутницы молотовской жизни пухли как на дрожжах, раздавались вширь, обрастали лишними сантиметрами на талии (а некоторые, особенно восприимчивые и впечатлительные, так даже двойными подбородками).

— Ну тебя в жопу! С тобой такими темпами скоро в двери пролезать не будешь! — заявила на прощание Кошкина.

— Ну тебя в жопу! С тобой такими темпами
10 скоро грузовая платформа понадобится для пе-

редвижения по квартире! — заявила на прощание Рахиль Исааковна.

Нельзя сказать, что обе бывшие сдались без боя. Некоторое время они честно пытались бороться с шоколадно-соусным форс-мажором и искали всяческие компромиссы, при которых можно было бы сохранить и фигуру, и Рыбу-Молота с его растреклятыми вкуснящими конфетами. Так, Кошкина после обильных ночных возлияний отправлялась в сортир, на ходу засовывая в рот два пальца. А Рахиль Исааковна всерьез рассматривала вариант с привлечением в организм некоторого количества паразитов — чтобы совместными с глистами и цепнями усилиями противостоять напасти и поднять метаболические и пищеварительные процессы на новый качественный уровень. О таком кардинальном способе корректировки веса она узнала из какой-то телепередачи, оказавшейся впоследствии псевдонаучной и антигуманистической. Вообще Рахиль Исааковна была страстной телеманкой, называла телевизор «иконой» и проводила подле него все свободное и несвободное время — в ущерб многим социально значимым вещам, включая супружеские обязанности. Шутила Рахиль Исааковна в духе «Аншлага» и «Смехопанорамы», политические события в стране и мире рассматривала сквозь призму авторской программы «Однако», а за здоровьем (своим собственным и Рыбы-Молота) наблюдала исключительно с покосившейся пожарной вышки «Малахов +».

В отличие от Рахили Исааковны Кошкина телевизор терпеть не могла, но фанатела от ра- **11**

диостанций FM-диапазона. Особенно тех, которые специализировались на отечественной попсе. Причем тройка любимых исполнителей Кошкиной, как правило, оставалась неизменной:

Валерий Леонтьев,

Валерий Меладзе,

Валерий Сюткин.

Все остальные места в кошкинских топах и чартах тоже принадлежали мужчинам и юношам из наскоро склепанных мальчиковых групп. К женщинам на эстраде Кошкина питала стойкую неприязнь и каждое их появление в радиоэфире встречала презрительным: «О! Кружацца пискки!» Очевидно, корни этого выражения восходили к некогда популярной серии альбомов «Кружатся диски». До этого Рыба-Молот допер сам, без пояснений со стороны Кошкиной. Первая жена осталась в памяти Рыбы генератором всяческих неологизмов — они (придуманные, заимствованные, беззастенчиво украденные) изливались в таком изобилии, что ни ее, ни его жизни не хватило бы, чтобы объяснить каждый. Кличку «Рыба-Молот», впоследствии заменившую Бархатову и имя, и фамилию, тоже сочинила Кошкина. При этом она руководствовалась исключительно внешностью мужа, а именно — широко расставленными и максимально приближенными к вискам глазами. Настолько незамутненными, ясными и небесно-голубыми, что первой мыслью каждого, в них заглянувшего, было: э-э, а не дурачок ли ты, часом, милейший? Не даун ли? Не

Идиотизмом, а уж тем более синдромом Дауна, а уж тем более олигофренией Рыба-Молот не страдал. Напротив, в нем присутствовал даже налет интеллектуальности. Во всяком случае, он — единственный из шеф-поваров от Кяхты до хохлацкого Мелитополя — покусился на квазидзэн-буддистскую книжку Р. Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон». Покушение готовилось три с половиной года, но в самый ответственный момент что-то обязательно мешало ему свершиться. То Рыбу не устраивал формат издания, то переплет (слишком мягкий или, наоборот, слишком твердый — так что и в карман не сунешь). Отсутствие иллюстраций, присутствие иллюстраций, размеры шрифтов; картинка с чайкой на первой странице обложки (слишком натуралистичная), картинка с самим писателем (слишком ненатуральный, перестарались с ретушью!). После того как через руки Рыбы-Молота прошло как минимум семь Джонатанов Ливингстонов, у него возникла стойкая уверенность, что книжка вроде бы уже прочитана. Но как отличить прочитанное от непрочитанного? — в дзэн-буддизме рекомендаций по этому поводу нет. А если и есть — то так завуалированы, что без ста грамм не разберешься. А норма непьющего Рыбы не превышала пятидесяти. Единственное, что он знал точно: чайка по имени Джонатан Ливингстон — мужского рода, а не женского. Но по инерции продолжал называть чайку — «она». Так было привычнее и удобнее, и никакими дзэн-буддизмами эту привычку не сковырнешь. Впрочем, Джонатан Ли-

вингстон был единственным проколом: Рыба неплохо разбирался в джазе, автомобильной электрике, комнатных растениях и истории папства в цифрах и фактах. И со временем собирался издать сборник кулинарных рецептов. Название для сборника придумалось само собой: «Из жизни карамели, и не только». Сокровенной мечтой о сборнике Рыба-Молот поделился с обеими своими женами — на девятой и сороковой день знакомства соответственно. Кошкина (с самого начала относившаяся к проектам и начинаниям Рыбы со здоровым скептицизмом) заметила тогда:

— Ну вот, куда конь с копытом, туда и рак с клешней!

— В смысле? — беззлобно удивился Рыба-Молот.

— В смысле, что сейчас все стряпают кулинарные книги. Все кому не лень, я имею в виду. От горе-сочинительниц детективов до артистов, фигуристов и прочих звездюлёй. Тьфу, пакость!.. Разве что винторогие козлы из зоопарка не отметились. И тигры-альбиносы.

— А при чем здесь тигры-альбиносы? Они и писать не умеют. У них вообще — не руки, а лапы.

— Бедный ты мой! — Кошкина посмотрела на тогда еще потенциального мужа особенным взглядом, в котором смешались презрение и жалость. Впоследствии этот (ставший фирменным) взгляд настигал Рыбу-Молота довольно часто. — Тигры-альбиносы — это художественное преувеличение. Призванное оттенить весь маразм кулинарной вакханалии. Ферштейн?

— Ферштейн, — с готовностью подтвердил Рыба-Молот и больше с Кошкиной на тему сборника «Из жизни карамели» не заговаривал.

Эта тема всплыла много позже, когда он закрыл роман с Рахилью Исааковной. Рахиль Исааковна восприняла известие о еще не написанном карамельном талмуде без особого энтузиазма, поскольку считала, что кулинарных шоу на любезном ее сердцу ТВ развелось как собак нерезаных. А это идет в ущерб телеаналитике, телепутешествиям, телевикторинам, а также программам из жизни богатых и знаменитых и программам из жизни членистоногих, чешуекрылых и пресмыкающихся.

— Я и название уже придумал, — сообщил Рыба-Молот, успокоенный снисходительным молчанием Рахиль Исааковны, которое можно было принять за одобрение и поддержку.

— Какое же?

— «Из жизни карамели, и не только»... По-моему, здорово. Необычно и свежо. А по-твоему, как?

Стоило ему произнести гипотетическое название, как глаза Рахили Исааковны остекленели, кончик носа забавно подогнулся, а по краям дотоле чистого лба волнами пошли морщины, почему-то напомнившие Рыбе-Молоту харизматичные морщины физика Альберта Эйнштейна. *И вообще...* — тут же подумалось ему, — *если состарить Рахиль Исааковну лет на сорок, приклеить ей усы и определенным образом взбить и зачесать волосы — как раз и получится Эйнштейн. Точная его копия.* **Клон.** **15**